

Ком. правда, - 1989 -
Чернорубашкин,
 28 фев.
брат
Рубашкина

Мы уже привыкли к сообщениям инюрколлегии о розыске родственников. «Комсомольская правда» взяла на себя эту функцию невольно: через несколько дней после публикации материала о Борисе Рубашкине (Чернорубашкине) (14 января), в редакции раздался звонок из Иркутска от Михаила Прокопьевича Чернорубашкина...

именно поэтому от нас долго скрывали творчество Рубашкина — сына белоземгранта. Хотя Семен никогда белым не был — 17 лет, жизнь человека только начиналась. Но вдали от родины отец делал все, чтобы сохранить в семье русское: готовили блюда русской кухни, говорили по-русски, общались с русскими. Свой репертуар Борис унаследовал от отца. Но тогда, юношей, он и не думал, что станет профессиональным певцом. После окончания экономического факультета Пражского университета устроился тапдором в Венскую народную оперу. Потом работал в одном из самых дорогих венских ресторанчиков, куда приходили послушать специально его. Однажды там побывала Мария Бранд, профессор Венской консерватории, ставшая преподавателем Бориса. Затем последовала работа на многих знаменитых оперных площадках мира, постоянная работа в Зальцбургском земельном театре. Но настоящая известность пришла именно благодаря русскому фольклору.

Гастроли Бориса Рубашкина в Москве, Ленинграде, Одессе и Кишиневе прошли с огромным успехом. И пусть не распространяются те, кто не может побывать на его представлениях, — музыкальная редакция ЦТ готовит большую программу о творчестве Рубашкина. Кроме того, вероятно, осенью этого года мы вновь сможем встретиться с певцом. Причем география гастролей будет явно шире.

— Я изъявил Госконцерту желание поехать в Сибирь — я тогда еще не знал о родственниках! — потому что, как я слышал, в Сибирь редко приезжают артисты, — говорит Борис Семенович. — Ведь это часть родины моего отца. И я хочу показать свое скромное искусство сибирякам.

Э. ТУЗМУХАМЕДОВ.

Они узнали друг друга сразу. Впрочем, то, что троюродного брата узнал Михаил, не удивительно — Борис его кумир с 1968 года, с тех пор, как он услышал его впервые. Удивительно то, что Борис пошел первым к Михаилу.

— Я знал, что у меня родственники где-то под Волгоградом в бывшей Донской области, на хуторе Заполянка, — сказал певец. — Но никак не ожидал найти родственников в Сибири, к которой меня давно тянуло.

Ростом братья совпали до двух сантиметров, одинаковые, немного выходящие волевы.

— Ну а мне, — говорит Михаил, — впервые довелось за 43 года встретить вторую фамилию Чернорубашкин, тем более, что ее носителем оказался знаменитый Борис Рубашкин. Я его записи коллекционеру уже 20 лет. А тут такая радость — мои дочери обнаружили статью в вашей газете и говорят: «Папа, давай узнаем — однофамилец это или родственник дальний». Я сразу связался с отцом — ему уже 80 лет, он живет в Уссурийске, уточнил у него, где он жил, кто были родственники, как попали в Сибирь. Да, действительно, мы родом из хутора Заполянка Донской области, что на берегу реки Медведица. Наши деды были братьями.

Не знаю, как описывать встречи родственников, — это очень трогательно и сентиментально. Братья признали друг друга сразу. Стали показывать друг другу фотографии — у Михаила сохранились дореволюционные фото, рассказывать о житье-бытье.

О судьбе Бориса наша пресса написала уже немало. Вкратце повторю: отец в 17 лет покинул Россию. Несколько месяцев пробыл в Одессе (об Одессе отец часто рассказывал сыну — отсюда и такая

любовь к этому морскому городу, в котором Борис побывал недавно впервые), потом пароходом в Турцию. Работа в Турции была — он разносил чебуреки, но жить в мусульманской части христианину было нелегко, поэтому многие из эмигрировавших вместе с ним вскоре перебрались в Болгарию. В Болгарию и родился Борис, ставший одним из самых знаменитых интерпретаторов и исполнителей русской песни на Западе. А вот что рассказывает о своей судьбе Михаил:

— Мой дед погиб в 1914 году на войне, не вернулся от-

туда вместе со старшими сыновьями. Отец же — младший — вместе с матерью переехал в 1929 году в Приморье. Там я родился. Сложные были времена. Даже мать мне не все рассказывает, как было. Сейчас, конечно, мы можем говорить более открыто — о коллективизации, о бурных событиях на Дону...

Впрочем, все мы проходили в школе «Тихий Дон». И неизвестно, что бы стало с Борисом, если бы его отец не уехал в 1919-м. «Был бы трактористом в Сибири, — шутит Борис. — Сибирь ведь тоже русская земля». Но, наверное,